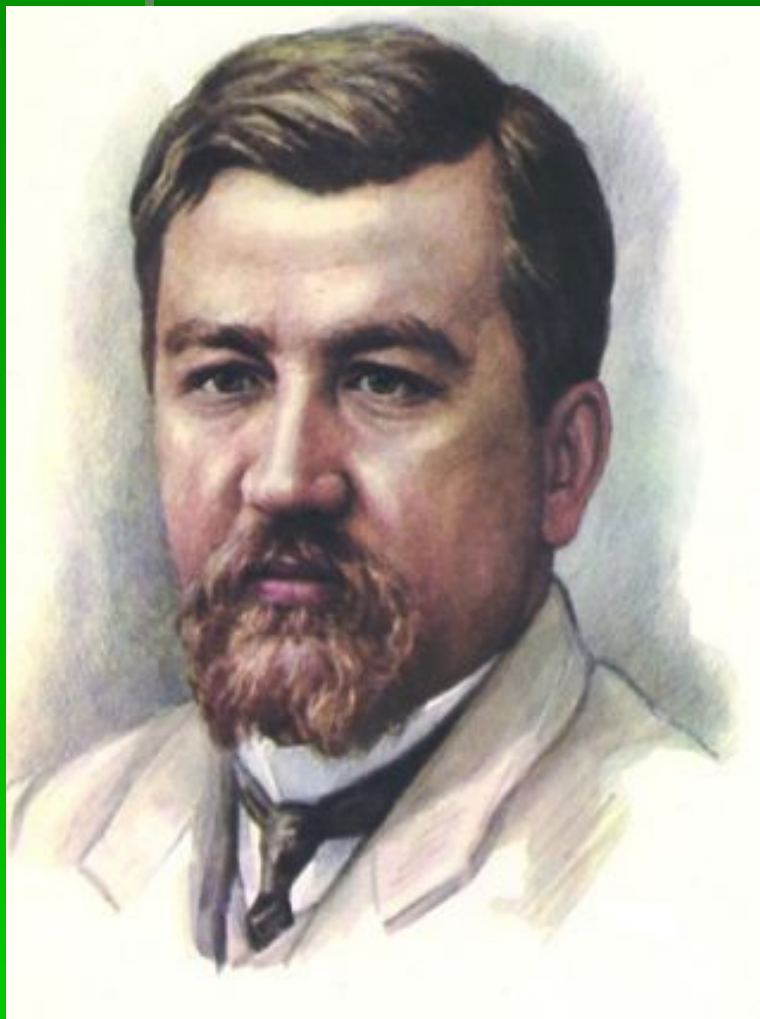

А. И. Куприн

- Во всех кабачках и ресторанах Парижа можно спросить на десерт лесные орехи, миндаль, изюм и вяленые фиги. Надо только сказать гарсону: дайте мне "нищих", и вам подадут аккуратную бумажную коробочку, в которую заключены все эти четыре сорта заедок, столь любимых когда-то и у нас, в бывшей богатой торговой тысячеглавой Москве.

Париж, в своей беготне и суетливости, нетерпеливо сокращает слова и фразы: метрополитен - метро, бульвар С.-Мишель - Буль-Миш, бифштекс а ля Шатобриан шато, кальвадос - кальва. Так и вместо старинного "dessert des quatrese mendians" он бросает кратко "mendians!". Однако лет девять назад я еще заставлял на коробочках, содержащих это простое и вкусное лакомство, полную надпись. Теперь ее больше не увидишь.

Я уже и сам не знаю, услышал ли я где-нибудь, или видел во сне, или нечаянно сам. придумал милую легенду о происхождении этого странного названия.

Любимейший из французских королей и героев (кроме мифических) еще не был тогда Генрихом Четвертым и могущественным королем Франции, а всего лишь Анри Бурбоном, маленьким властелином маленькой Наварры. Правда, при его рождении знаменитый астролог Нострадамус предсказал ему по звездам великую будущность: славу, сияющую во всех веках, и неиссякаемую народную любовь.

Но во времена, о которых идет речь, молодой гасконский король - этот веселый и добрый скептик - еще и не думал о своей блестящей звезде или, может быть, по свойственной ему осторожной скрытности, делал вид, что не думает.

- Он беззаботно бегал не только за прекрасными дамами своего крошечного двора, но и за всеми хорошенькими женщинами Оша, Тарба, Мирадны, По и Ажена, не оставляя своим любезным вниманием также и жен фермеров и дочерей трактирщиков. Ценил он острое слово, сказанное вовремя, и не напрасно его иные шутки и афоризмы стали сокровищами народной памяти. И любил он еще хорошее красное вино за веселой дружеской беседой.

Был он беден, прост с народом, справедлив в своих приговорах и весьма доступен; поэтому искренно преданы ему были и гасконцы, и наваррцы, и беарнцы, находя в нем милые черты доброго, легендарного короля Дагобера.

Большой его страстью и любимым развлечением была охота. В то время множество зверя водилось в нижних и верхних Пиренеях: волки и медведи, рыси, кабаны, горные козлы и зайцы. Знаток был небогатый король Анри и в соколиной охоте.

Однажды, охотясь в окрестностях По, в густом сосновом лесу, простиравшемся на много десятков лье, король Генрих напал на след прекрасной горной козы и, преследуя ее, отделился понемногу от своей охотничьей свиты на очень большое расстояние. Раздраженные запахом зверя, его собаки так увлеклись погоней, что вскоре не стало слышно даже их лая. Между тем незаметно сгущался вечер, и пала ночь.

- Тут король понял, что он заблудился. Издали доносились призывные звуки охотничьих рогов, но - странно - чем дальше он шел на них, тем слабее звучали рога. С досадою вспомнил Генрих о том, как сбивчивы и капризны все громкие звуки в горных лесах и какой предательский насмешник - горное эхо. Но было уже поздно. Предстояло переночевать в лесу. Однако король, как истый гасконец, был решителен и настойчив. Усталость одолевала его, голод терзал его внутренности, мучила жажда; к тому же неловко подвернувшаяся нога испытывала острую боль в ступне при каждом шаге; король все-таки, прихрамывая и спотыкаясь, с трудом пробирался сквозь чащу, в надежде найти дорогу или лесную избушку.

Вдруг его ноздрей коснулся слабый-слабый запах дыма (король вообще отличался изумительным обонянием). Потом мелькнул сквозь чащу малый огонечек. Король Анри пошел прямо на него и вскоре увидел, что на горной полянке разложен небольшой костер и вокруг него сидят четыре черные фигуры. Сиплый голос окликнул:

- Кто идет?

- Добрый человек и хороший христианин, - ответил Анри. - Я заблудился и вывихнул правую ступню. Позвольте посидеть у вас до утра.

- Иди и садись.

Король так и сделал. Странная компания заседала среди леса у огня; одетые в лохмотья, грязные и мрачные люди. Один был безрукий, другой безногий, третий слепой, четвертый кривлялся, одержимый пляскою святого Витта.

- - Кто вы такие? - спросил король.
Но слепец с сиплым голосом возразил ему:
 - Сначала гость представляется хозяевам, а потом уже спрашивает.
 - Верно, - согласился Генрих. - Ты прав. Я ловчий из королевской охоты, что, впрочем, можно заметить по моему костюму. Я случайно отбился от товарищей и, как видите, потерял дорогу...

Я-то, положим, ничего не вижу, но все равно, будь нашим гостем. Мы рады тебе. Мы все из бродячего цеха свободных нищих, хотя очень жаль, что твой добрый господин, король Анри, - да будет благословенно его славное имя - издал такой жестокий указ о преследовании нашего сословия. Чем можем мы служить тебе?

- О кишки святого Григория! - вскричал король. - Я голоден, как собака, и жажду, как верблюдов в пустыне. Кроме того, может быть, кто-нибудь перевяжет мне ногу. Вот вам маленький золотой, все, что у меня есть с собой.

- - Прекрасно, - сказал слепец, который, по-видимому, был предводителем компании. - Мы предложим тебе на ужин хлеба и козьего сыра. У нас также имеется самое отличное вино, какого нет, пожалуй, и в королевском погребе, да притом в безграничном количестве. Эй ты, плясун! Сбегай-ка скорее к роднику и нацеди фляжку воды. А ты, охотник, протяни мне больную ногу, я стащу с тебя сапог и забинтую тебе подъем и лодыжку. Это не вывих: ты просто растянул жилу.

- Вскоре король вдоволь напился холодной родниковой воды, которая ему, великолепному знатоку в напитках, показалась вкуснее самого драгоценного вина. С необыкновенным аппетитом съел он простой ужин, а туго и ловко перевязанная нога сразу почувствовала облегчение. Он сердечно поблагодарил нищих.
 - Подожди, - сказал слепой. - Неужели ты думаешь, что мы, гасконцы, обходимся без десерта. Ну-ка, ты, однорукий!
 - Мне лавочница подала мешочек с изюмом.
 - Ты, одноногий!
 - А я, покамест он заговаривал зубы лавочнице, стянул пригоршни четыре фиг.
 - Ты, плясун!
 - Я набрал по дороге полную запазуху лесных орехов.
 - Ну, а я, - сказал слепой староста, - я присоединяю узелок с миндалем. Это, друзья мои, из моего собственного маленького садика, с моего единственного миндального дерева.
- Покончив с ужином, король и четверо нищих легли спать и сладко проспали до ранней зари. Утром нищие указали королю дорогу до ближайшей деревни, где Анри мог найти лошадь или осла, чтобы кратчайшим путем добраться до По.
- Прощаясь с ними и благодаря их от души, Генрих сказал:
 - Когда придете в По, не забудьте зайти во дворец. Короля вам незачем будет разыскивать, вы спросите только ловчего Анри, ловчего с остренькой бородкой, и вас проведут ко мне. Живу я небогато, но бутылка вина и кусок сыра, а иногда, может быть, и курятины у меня всегда найдется для друзей.

- Король благополучно добрался до города По, встретив по дороге свиту, которая в тревоге его разыскивала. О своем ночном приключении он никому не рассказал.

Сколько прошло дней, недель или месяцев с того времени - легенда не говорит. Но однажды остановились у ворот скромного королевского дворца в городе По четыре нищих и стали просить, чтобы их проводили к сьеру Анри, ловчому королевской охоты, к тому самому Анри, у которого остренькая барбишка (бороденка - от фр. *barbiche*). Начались пререкания и ссора. Нищие настаивали на своем, привратник кричал на них и все пробовал их вытолкнуть. На шум сбежались дворцовые люди, наконец, и сам король выглянул в окно.

- Не трогайте этих людей, - крикнул он, - и ведите их скорее ко мне. Это мои друзья.

- Кто этот монсиньор? - шепотом спросил слепец.

- Неужели не знаете? Король!

Король угостил своих лесных знакомцев сытным обедом и добрым вином. Он сам сидел с ними за столом. А под конец трапезы подан был десерт из четырех блюд: орехов, изюма, миндаля и вяленых фиг. Нищие ушли из дворца обласканные и щедро одаренные монархом (который, надо сказать, был обычно несколько скуповат). А десерт четырех нищих стал модным сначала в Наварре и Гаскони, а потом, когда Анри стал доблестным Генрихом IV, славным королем Франции, он сделался неизбежным в каждом порядочном доме и даже во всех трактирах.

Очень может быть, что именно в память своих четырех друзей король Генрих отменил указ о преследовании нищих, но - человек великого практического ума - он все-таки обложил их известным налогом в пользу государства.